

КОНЦЕПЦИЯ «ПРИЗНАНИЯ» Ф. ФУКУЯМЫ, КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТЕРРОРИЗМ

УДК 130.2

DOI: 10.24412/1997-0803-2020-10206

К. Н. Бочарова

Московский государственный институт культуры

Статья посвящена концепции «признания» американского философа Ф. Фукуямы в её связи с проблематикой современного националистического экстремизма и терроризма. За последнее десятилетие мир сделал резкий поворот от мультикультурализма к национализму и агрессии, что выразилось в росте локального экстремизма, имеющего этнокультурную окраску. В контексте этих изменений автором предпринята попытка проследить эволюцию взглядов Фукуямы от постулирования торжества либеральной демократии в работе «Конец истории и последний человек» до глубинного переосмысления изначальных идей в последней книге «Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия». Феномен терроризма рассматривается в статье как радикальное средство борьбы за признание, с опорой на исследуемые Фукуямой в современной социокультурной ситуации понятия «тимос», «мегалотимия», «изотимия», введённые Платоном в диалоге «Государство».

Ключевые слова: терроризм, тимос, мегалотимия, изотимия, национализм, концепция «признания», Ф. Фукуяма, этнокультурные ценности.

Kseniya N. Bocharova

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya Str., 7, 141406, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation

THE F. FUKUYAMA'S CONCEPT OF "RECOGNITION", IDENTITY AND TERRORISM

The article is devoted to the concept of "recognition" of the American philosopher F. Fukuyama in its connection with the problems of contemporary nationalist extremism and terrorism. Over the past decade, the world has made a sharp turn from multiculturalism to nationalism and aggression, which is reflected in the growth of local extremism, which has an ethnocultural coloring. In the context of these changes, the author made an attempt to trace the evolution of the views of Fukuyama from the postulation of the triumph of liberal democracy in the work "The End of History and the Last Man" to a deep rethinking of the original ideas in the last book "Identity. The desire for recognition and the policy of rejection". The phenomenon of terrorism is considered in the article as a radical means of struggle for recognition based on the concepts of "timos", "megalothymia", "isothymia" introduced by Plato in the "State" dialogue explored by Fukuyama in the current sociocultural situation.

Keywords: terrorism, thymos, megalothymia, isothymia, nationalism, the concept of "recognition", F. Fukuyama, ethnocultural values.

БОЧАРОВА КСЕНИЯ НИКОЛАЕВНА – аспирантка кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры
BOCHAROVA KSENIYA NIKOLAJEVNA – PhD student at the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

Для цитирования: Бочарова К. Н. Концепция «признания» Ф. Фукуямы, культурная идентичность и терроризм // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 54–63. DOI: 10.24412/1997-0803-2020-10206

В августе 2017 года в тихом университетском городе Шарлоттсвилле (США) в результате действий «белых» экстремистов погиб один человек, пострадали несколько десятков. 10 ноября 2018 года в метро Барселоны каталонские националисты сбросили с эскалатора человека с испанским флагом в руках. Весной 2019 года в Лондондерри (Северная Ирландия) во время вооружённого нападения на полицию убили известную журналистку Лиру Макки. Это перечисление можно продолжать до бесконечности. XXI век щедро отмечен частыми локальными проявлениями экстремизма и терроризма с ярко выраженной правой националистической и этнокультурной окраской в странах Европы, в США и других, достаточно благополучных регионах мира. На этом фоне возникает вполне уместный вопрос: как возможен в наше время «открытого мира» такой феномен?

Современный терроризм – чрезвычайно сложное, гибкое и динамичное явление, которое невозможно поместить в жёсткие рамки тенденций и подходов. Он не только не остаётся в прошлом (хотя некоторое время терроризм, за исключением исламского, считали «достоянием» XX столетия), но и подвергается многочисленным преобразованиям сущностно идеологического и формального характера. Сложность и порой быстрота и незаметность трансформаций этого явления говорят о необходимости его теоретического осмысления, а также – о необходимости рефлексии самой истории и философии экстремизма во всём спектре их изменений.

С выходом в прошлом году русского перевода (и в 2018 году оригинала) новой кни-

ги американского философа Фрэнсиса Фукуямы «Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия» мы получили возможность в полной мере рассмотреть и оценить 30-летнюю эволюцию взглядов учёного, которую мы можем наблюдать начиная с 1989 года, когда на пике распада биполярного мира журнал «National Interest» опубликовал статью сотрудника некоммерческого исследовательского центра RAND Ф. Фукуямы «Конец истории?». Текст представлял собой достаточно радикальный с точки зрения месседжа и характера тезис об эволюции социальных систем. Автор заявлял, что социальная эволюция подошла к своему завершению, поскольку либеральная демократия, которая безоговорочно победила предшествующие формы государственной организации, такие как монархия, коммунизм и фашизм, являет собой «конечную точку идеологической революции человечества» и финальную форму правления, которую следует признать лучшей из всех возможных систем, в которых может жить человек.

Конечно, такой подход не мог остаться без ответа. Тезис о «конце истории», вероятно, стал самой критикуемой политической и культурфилософской концепцией последнего десятилетия. Именно её чаще всего обвиняли в утопизме, наивной близорукости или проявлении западного эгоизма. По сей день многие исследователи, политики и представители СМИ используют термин «конец истории» стереотипно, в качестве примера эйфории и недалёкого легкомыслия, вызванных крахом биполярной системы. Между тем концепция Фукуямы является гораздо более сложной интел-

лектуальной конструкцией, чем принято считать. Это вполне подтверждается внимательным прочтением опубликованной в 1992 году книги «Конец истории и последний человек» [10], которая стала развитием соответствующей статьи.

В своей работе американский мыслитель среди прочего обращается к платоновскому образу человеческой личности и гегелевскому видению истории, акцентируя концепцию «потребности в признании» как основу мотивации человеческих действий. Согласно Фукуяме, объяснение конфликтов и противоречий, которые преследуют цивилизации с незапамятных времён, следует искать не в борьбе за выживание и материальные ресурсы, а в естественной «потребности в признании». В подтверждение своих мыслей автор ссылается на платоновскую типологию души, изложенную в «Государстве», где выделяются разумное начало, вожделеющее начало и, наконец, третья часть – тимос (θυμός – букв. 'гнев'; в русском переводе диалога – 'ярость духа', 'яростный дух') [8, с. 213 и далее]. Тимос, который можно интерпретировать и как обострённое чувство достоинства и амбиций, требующих признания, напрямую связан с аксиологической проблематикой и чрезвычайно важен в политической жизни (причём, отметим сразу, в её этнокультурном сегменте).

Для Фукуямы (с опорой на Гегеля) это своего рода триггер изменений исторического процесса. Пока потребность в признании всех людей не будет удовлетворена, человечество будет переживать всевозможные цивилизационные потрясения. Как пишет Фукуяма: «Понимание важности борьбы за признание как двигателя истории позволяет по-новому взглянуть на многие явления, знакомые нам в других аспектах, такие как культура, религия, работа, национализм и война» [10, с. 19].

По мнению автора «Конца истории», либеральная демократия должна была разрешить основной конфликт, связанный с необходимостью доказывать и отстаивать своё достоинство в глазах других. Очевидно, что Фукуяма вдохновлялся рассуждениями И. Канта, который пытался зафиксировать исторический процесс в чётких интеллектуальных рамках [3]. Демократия трактуется как система, гарантирующая и обеспечивающая полное и универсальное признание всех людей. Что это значит? Во-первых, прекращение вооружённых конфликтов, потому что «национализм, эта современная, но не до конца рациональная форма признания, был двигателем борьбы за признание ... источником наиболее яростных конфликтов ... либеральная демократия заменяет иррациональное желание быть признанным выше других рациональным желанием быть признанным равным другим» [10, с. 20–21]. Во-вторых, согласно Фукуяме, универсальность признания делает либеральную демократию единственной системой, в которой внутренние противоречия подвержены эволюционному смягчению и не накапливаются с угрозой взрыва, как в других политических системах. Фундаментализм и национализм, таким образом, утрачивают свой радикализм и пыл. И пусть это ещё не «вечный мир» Канта, но всё же максимально возможное приближение к этой идее.

Фукуяма считает, что человеческая история фактически реализует определённый «план» в гегелевском понимании (а скорее, в интерпретации Гегеля А. Кожевным [4, с. 361–362]), стремясь завершить первую стадию развития, которая является всеобщей победой идеи либеральной демократии и универсального принципа признания. «История – не слепая цепь событий, а осмысленное целое ... если сейчас мы пережи-

ваем такой момент, когда нам трудно представить себе мир, существенно отличный от нашего, где нет очевидного или естественного пути, на котором будущее даст фундаментальное улучшение существующего сейчас порядка, то мы должны допустить возможность, что сама по себе История могла подойти к концу» [10, с. 96–97].

Развивая свою мысль, философ оперирует двумя представляющимися весьма важными терминами, производными от понятия «тимос»: *мегалотимия* и *изотимия*. Первое – это желание быть лучше других, а второе – желание быть равным другим. Эволюция социальных систем к либеральной демократии должна вести от первого ко второму, то есть к универсальному однородному состоянию, которое равно признаёт всех людей и все социальные группы. Таким образом, стремление к признанию, которое движет человеческой историей, получает своё удовлетворение, наступает «конец истории», и вечное деление человеческих обществ на лучшие и худшие, развитые и неразвитые и т.п. устраняется.

Каким образом в эту концепцию можно поместить феномен терроризма? Есть несколько интересных объяснений. Фукуяма моделирует возможные аргументы своих противников. Он видит самого опасного из этих противников в лице Ф. Ницше, который с достаточным презрением относился ко всем концепциям гарантированного социального и культурного равенства, видя в их реализации угрозу уничтожения человеческого величия, творческих способностей и возможностей развития¹. (Собственно, к Ницше и отсылает понятие «по-

¹ По Ницше, демократия наряду с христианством способствует «рабскому менталитету», resentmentу как проявлению зависти и мести слабых по отношению к сильным. «Восстание рабов в морали начинается с того, что resentment сам становится творческим и порождает ценности» [5, с. 254].

следний человек», используемое автором «Конец истории»²). Отчасти соглашаясь с Ницше, Фукуяма признаёт, что определённая доза мегалотимии действительно необходима для общества. Но он (некоторым образом перекликаясь в этом с Й. Хейзингой [12, с. 271–294]) видит решение противоречия в новых, «суррогатных» формах реализации этой глубоко человеческой потребности – формальной деятельности (такой как спорт или искусство), соперничестве в соответствии с принятыми правилами бизнеса, политики, науки (понимаемой как особая форма противостояния природе и материи) [10, с. 472–480].

Но откуда тогда такой вид политического насилия, как терроризм, появляется в демократических и вполне стабильных западных странах, которые в достаточной мере обеспечивают реализацию тимотических притязаний?

Следует отметить, что левые террористы, действовавшие на Западе в период господства биполярной системы, исповедовали идею радикальной изотимии³ в соответствии со своими социально-политическими концепциями. На тот момент путь коммунизма, соприкасающийся с либеральной демократией и наследующий философии Просвещения, ещё не оказался ловушкой или, как минимум, оказался не для всех. Падение Восточного блока и растущий кризис, а также изоляция сохранившихся анахрони-

² См., например: «Земля стала маленькой, и по ней прыгает последний человек, делающий всё маленьким. Его род неистребим, как земляная блоха; последний человек живёт дольше всех. “Мы нашли счастье”, – говорят последние люди и моргают» [6, с. 18].

³ Как это ни парадоксально, но попытки установления абсолютного равенства между людьми оказались в реальности самыми страшными проявлениями мегалотимии и жестокости в истории человечества.

ческих государств «реального социализма» стали окончательным доказательством того, что утопия всеобщего равенства в коммунистическом смысле не может быть реализована. Оказались тупиковыми и такие формы, как монархическое государство и фашизм¹. Только либеральная демократия, согласно «Концу истории», смогла преодолеть неразрешимые противоречия предшествующих социальных систем. Левый терроризм потерпел преимущественный крах в Европе (и других частях света) не только и не столько из-за снижения и отсутствия рекрутизации адептов, но в большей степени из-за смерти поддерживавшей его на плаву изотимической утопии.

Остаётся проблема правого терроризма. И необходимо понять, какой подход работает в отношении терроризма на основе религиозной и этнической (этнокультурной, этноисторической) мотивации. Фукуяма считает, что эти виды также связаны с борьбой за признание. Религиозные и национальные, архаизирующие этнокультурные движения являются в какой-то степени иррациональным проявлением стремления к признанию, ресентиментными формами. Он также полагает, что эти формы могут сосуществовать с рациональным признанием. «Культуры, в некотором смысле, возникают из способности оценивать ... тимос, или жажда признания есть фундамент для того, что социологи называют “ценностями” ... я не хочу сказать, что религия и национализм могут быть сведены к жажде признания, но именно корни этих страстей, лежа-

¹ При этом особенностью фашизма, если смотреть на него в аспекте концепции «признания», была сложная комбинация распространяемой государством мегалотимии и изотимии. Создание «массового общества сверхлюдей» и гибридное скрещивание коллективизма с ницшеанским духом героической и агрессивной личности оказались нежизнеспособными.

щие в тимосе, и придают им столь великую силу. Верующий присваивает достоинство всему, что его религия считает священным, – набору моральных законов, образу жизни или конкретным предметам поклонения. И он впадает в гнев, если унижают достоинство того, что для него священно. Националист верит в достоинство своей национальной или этнической группы, а потому – в собственное достоинство ... Он ищет признания этого своего конкретного достоинства у других и, подобно верующему религиозному, впадает в гнев при унижении этого достоинства ... Тимотические корни религии и национализма объясняют, почему конфликты вокруг “ценностей” потенциально куда более смертоносны, чем конфликты на почве имущества и богатства» [10, с. 324–325].

Фукуяма утверждает, что религия и национализм, связанное с представлениями о национальном, этническом, будут постепенно исчезать по мере ослабления чувств и эмоций, которые их порождают. В качестве примера автор приводит европейское общество конца XX века. Оно не устранило национальных различий, но «испытал на себе страшную иррациональность, латентно скрытую в националистической форме признания, население Европы постепенно стало воспринимать как альтернативу всеобщее и равное взаимное признание» [10, с. 407].

Поэтому националистический терроризм, практикуемый в Северной Ирландии или Стране Басков, с точки зрения автора «Конца истории», не имеет будущего в Европе, для мыслителя конца XX века он всего лишь некий анахронизм, гротескное выражение тимотических желаний. По мере того как национальное разделение теряет своё значение, этот тип насилия также должен потерять свою значимость, хотя и не может быть быстро ликвидирован. По мнению Фу-

куямы, разрушительная сила национализма исчезнет аналогично силам религии, и он отойдет в сферу частной жизни, сохранившись там в качестве сентиментальных воспоминаний и семейной истории. Фукуяма делит мир на страны постисторической реальности (то есть либеральной демократии), где, по его мнению, экстремизм на момент написания книги был практически изжит, и государства, продолжающие жить в исторической реальности, где процессы эволюции ещё не закончились. По этой причине философ не отрицает, что этнические конфликты и террор будут какое-то время иметь место, но только в «исторических» областях, таких как Восточная Европа, территория бывшего СССР, страны третьего мира. Следовательно, с точки зрения Фукуямы 1990-х годов, национализм и определяемые им формы насилия представлялись своего рода инкубационным периодом нового порядка, а этническая мотивация терроризма выглядела не очень серьёзной.

Исламский фундаментализм и терроризм, в представлении Фукуямы, также не представлял уже угрозы расширению влияния либеральной демократии, так как не мог оказать долговременного влияния за пределами традиционно мусульманских регионов, где сосредоточена его культурная сила: «... в долгосрочной перспективе исламский мир представляется более подверженным влиянию либеральных идей, нежели западный мир – исламским идеям ... Частичной причиной современного фундаменталистского возрождения ислама является сила той угрозы, которую несут либеральные, западные ценности традиционным исламским обществам» [10, с. 90]. Даже с позиции человека рубежа веков это утверждение выглядит несколько странным. Фукуяма заявляет о победе западных ценностей над мусульманскими в тот момент, когда Соеди-

нённые Штаты и Западная Европа уже вполне осознают опасность исламизации собственного пространства и устойчивый рост влияния идеологии исламизма. Впрочем, многим ещё тогда казалось, что универсализм секуляризованной либеральной демократии, вооружённой привлекательной массовой культурой и реальными технологическими, экономическими и научными достижениями так или иначе победит, убедит и адаптирует непокорные сообщества¹.

Конец истории понимался Фукуямой, конечно, не в том смысле, что больше ничего не случится и мир остановился в начале 1990-х годов на пороге вечного процветания и кантианского образа мира. Он определяет его как конец развития политических систем и доктрин². Мир человеческих обществ был запрограммирован с самого начала для этого типа эволюции. Утопия подошла к концу, потому что было доказано, что на практике все эти системы и доктрины не работают. Конечно, исторический мир некоторое время будет сосуществовать с постисторическим миром, пытаясь сохранить свои анахроничные поли-

¹ Б. Р. Барбер, который во многих отношениях был не согласен с цивилизационным видением Фукуямы, тем не менее разделял мнение о том, что Макмир (уничжительный термин для полностью коммерциализованной и прагматичной глобальной цивилизации) в конечном счёте победит в противостоянии силам джихада (собираемый термин для всех дезинтеграционных, сепаратистских, националистических и фундаменталистских тенденций в мире) [см.: 12].

² Р. Дарендорф объясняет эту трансформацию несколько иначе: «Под впечатлением от революции 1989 года ... не только страны ОЭСР, но и бывшие страны СЭВ находятся на пути к лучшему из возможных миров. А поскольку разочарование в реальном социализме не ограничилось Восточной Европой, а охватило значительную часть третьего мира, то в этот раз о конце идеологии заговорили по всему свету» [1, с. 66–67].

тические, экономические и социальные решения, но эволюцию не остановить. Даже терроризм может активизировать на какое-то время свою деятельность, но его место в истории, а история уже закончилась: «мы не можем представить себе мир, отличный от нашего *по существу* и в то же самое время – лучше нашего» [10, с. 91].

Таким образом, предельно ясно, что прогноз Фукуямы, изложенный в «Конце истории», почти не оставляет в будущем места для национализма и терроризма, по крайней мере в долгосрочной перспективе. Национализм и религиозный фундаментализм скорее потеряют, чем приобретут влияние и значение. Современный терроризм станет своеобразным признаком агонии истории и в качестве элемента социальной жизни сохранится только как крайне редкое выражение потребности в признании у людей, которых (по какой-либо исключительной причине) не устраивают институциональные и «цивилизованные» механизмы удовлетворения тимотического начала. Возможно, это будет голос протеста против мира «последнего человека».

Пробелы и уязвимые места в концепции Фукуямы были через некоторое время замечены самим автором. Заманчивая идея «конца истории», как и все тяготеющие к целостности, законченности и непротиворечивости нарративные концепции, чрезвычайно обманчива. Идейный мир Фукуямы строится на тех же иллюзиях, которые подпитывали «конец истории» Гегеля и «призрак коммунизма» Маркса. Уже спустя десять лет после написания своей самой известной книги Фукуяма признался, что ошибочно не заметил и не принял во внимание как минимум один, но решающий фактор, который ставит под сомнение обоснованность всех тезисов. Этот фактор – технология и наука. История не может за-

кончиться, если не заканчивается наука и следующие за ней технологии, формирующие облик человеческих сообществ, сферы их ценностей и модели жизнеустройства и – что наиболее важно – регулярно снимающие какие-либо ограничения [11, с. 30]. Книга «Наше постчеловеческое будущее» пусть и не совсем открытым текстом, но исполнена ужаса перед терроризмом другого рода – биотехнологическим. Речь идёт об изменении человека, создании нового человека, свободного от старых ограничений и суеверий. Модификация изначального биологического человека, выходящая за общепризнанный непроходимый барьер, может запустить вновь, казалось бы, остановленные навсегда часы истории. Социальные инженеры, создатели утопий и антиутопий, да и просто экстремисты разного рода получают в лице биотерроризма эффективный механизм для осуществления социальных и политических преобразований, о которых они мечтали. В итоге, то чего не удалось достичь с помощью религиозного фундаментализма, сомнительных механизмов социализации, пропаганды и концентрационных лагерей, можно достичь с помощью биотехнологий, нанотехнологий и искусственного интеллекта. Как справедливо пишет Фукуяма, конец истории может быть несколько иным, чем он подозревал десятилетием ранее¹. Человеческая история закончится, потому что человеческий род, каким мы его знаем сегодня, перестанет существовать. Начнётся новая постчеловеческая история, богатство и потенциально бесконечное разнообразие которой мы не можем сегодня осознать. Возможно, это будет сопровождаться «пост-насилием» и «пост-терроризмом», ко-

¹ Не случайно, как бы в контексте размышлений Фукуямы, пандемия COVID-19 столь резко взвинтила интерес к теориям заговора и биотерроризму [см., например: 7].

торые в новых условиях примут совершенно другие, пока неизвестные формы.

В 2018 году вышла новая, на сегодняшний день – последняя работа Ф. Фукуямы «Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия», которая подводит своего рода итог тридцатилетней эволюции рефлексии автора на тему конца истории и нового мира [9].

Как признается сам Фукуяма, причиной написания новой книги стало избрание президентом США Д. Трампа. Неожиданность и неприятие происходящего навели автора на мысль о том, сколь неожиданные формы выражения могут иметь тимотические процессы и манифестации потребности в признании в современном мире, что само по себе поднимает проблему того, можно ли ещё воспринимать всерьёз столь актуальные недавно универсалистские и прогрессистские притязания общества и науки. «Всеобщее признание оспаривается как другими формами исключительно группового признания – на основе национальности, религии, секты, расы, этнической принадлежности или пола, – так и индивидами, требующими признания своего превосходства над остальными» [9, с. 20].

Говоря о чувстве идентичности и его специфике в современном мире, Фукуяма отмечает, что при определённой конфигурации обстоятельств и культурной ситуации оно перерастает себя, становясь политикой идентичности. Условием же существования идентичности является её признание, зачастую закреплённое на уровне институций. Именно так современные национализм, исламизм и подобные им вещи превращаются в политические феномены, декларативно превращая ценности собственной культуры в оружие борьбы за признание: «Одной из главных движущих сил нового американского национализма, которая и приве-

ла Дональда Трампа в Белый дом (а Великобританию выводит из Евросоюза), было ощущение у людей собственной невидимости ... элиты в столице ... и в больших городах просто не понимают их или не обращают внимания на их проблемы» [9, с. 100]. А чтобы тебя услышали, нужно громко заявить о себе, так появляется и становится повседневным явлением локальный националистический экстремизм, позиционирующий себя в качестве защитника притесняемых культурных ценностей. Что собственно и произошло в 2017 году в американском Шарлоттсвилле, где все события развернулись вокруг ситуации со сносом памятника генералу конфедератов Р. Э. Ли и переименованием парка его имени в парк Эмансипации.

Рефлексируя свой впечатляющий, но грустный тридцатилетний опыт исследований мегалотимии и изотимии в последней книге, Фукуяма заканчивает её на более или менее оптимистической ноте: «Сегодня идентичность лежит в основе многих политических явлений, – пишет он, – от новых популистских националистических движений до исламистских группировок и бурных разногласий в университетских кампусах. Мы не можем мыслить о себе и своём обществе иначе как в терминах идентичности. Но мы должны помнить, что личность, живущая глубоко внутри нас, изменчива и необязательно присуща нам от рождения. Идентичность может быть использована для того, чтобы сеять рознь, но её можно использовать – и уже использовали – для интеграции и объединения» [9, с. 184].

На вопросы – сбудется ли этот прогноз знаменитого философа-футуролога и не захлебнётся ли мир волной мелкого, но повседневного и повсеместного террора во имя идентичности – ответит, видимо, только время.

Проблемы со статусом ещё недавно казавшейся непоколебимой либеральной демократии и рост регионального «белого» популизма, эксплуатирующего образ «старых добрых времён», когда не было чужих, Фукуяма напрямую связывает с политизацией коллективной культурной идентичности, возвращением религиозного фундаментализма, а также волной популярности «старомодного национализма» не только на Западе, но и в бывших колониях, странах постсоветского пространства, отдельных автономных образованиях. Фукуяма считает, что в основе происходящего лежит медленный, но приносящий свои плоды процесс мутации принципа всеобщего

и равного признания, его трансформации в ультимативные притязания на приоритет и исключительные права для отдельных сообществ, на протяжении длительного времени остававшихся маргинальными. Эта проблема дурно понята мультикультурализма и толерантности в развитых странах Запада, а также проблема третьесортности и пренебрежения в регионах вековой зависимости породили усталость и озлобленность среднестатистического местного населения, политику ресентимента, связанную с изобретением агрессивной мифологии [1], и обострённое чувство идентичности, настаивающее на немедленном признании.

Примечания

1. Воеводина Л. Н. Манипулятивные технологии и информационная составляющая социокультурного пространства // *Культура vs свобода : материалы «круглого стола» в рамках IV Московского форума культуры*. Москва : МГУКИ, 2014. С. 115–122.
2. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / пер. с нем. Л. Ю. Панфиной. Москва : РОССПЭН, 2002. 284, [2] с. (Университетская библиотека. Политология).
3. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // *Собрание сочинений : в 8 томах : юбилейное издание 1794–1994 : [перевод с немецкого] / под общ. ред. А. В. Гулыги*. Москва : ЧеРо, 1994. Том 8. С. 12–28.
4. Кожев А. В. Введение в чтение Гегеля. Санкт-Петербург : Наука, 2003. 792 с.
5. Ницше Ф. К генеалогии морали // *Полное собрание сочинений : в 13 томах*. Москва : Культурная революция, 2012. Том 5. С. 229–382.
6. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // *Полное собрание сочинений : в 13 томах*. Москва : Культурная революция, 2007. Том 4.
7. Остроумов Я. По следу коронавируса: биотеррор и военная лаборатория США в Казахстане [Электронный ресурс] // *Интернет-журнал «Военно-политическая аналитика» : [веб-сайт]*. Электрон. дан. URL: <https://vpoanalytics.com/2020/03/25/po-sledu-koronavirusa-bioterror-i-voennaya-laboratoriya-ssha-v-kazahstane>
8. Платон. Государство // *Собрание сочинений : в 4 томах / [общ. ред. А. Ф. Лосева и др. ; примеч. А. А. Тахо-Годи]*. Москва : Мысль, 1990–1994. Том 3. 1994. С. 79–420.
9. Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. Москва : Альпина Паблишер, 2019. 256 с.
10. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. Москва : АСТ, 2010. 588 с.
11. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / пер. с англ. М. Б. Левина. Москва : АСТ : ЛЮКС, 2004. 349 с.
12. Хэйзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий : опыт определения игрового элемента культуры / сост., предисл. и пер. Д. В. Сильвестрова ; коммент., указ. Д. Э. Харитоновича. Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 409, [6] с.
13. Barber B. R. (1992) Jihad vs McWorld. *The Atlantic Monthly*. Vol. 269, no. 3: 53–65.

References

1. Voevodina L. N. Manipulyativnye tekhnologii i informatsionnaya sostavlyayushchaya sotsiokul'turnogo prostranstva [Manipulative Technologies of Information and the Composition Further Social and Cultural Space]. In: *Kul'tura vs svoboda: materialy "kruglogo stola" v ramkakh IV Moskovskogo foruma kul'tury* [Culture vs Freedom: Materials of the Round Table at the IV Moscow Forum of Culture]. Moscow, Publishing House of the Moscow State University of Culture and Arts, 2014. Pp. 115–122. (In Russian)
2. Dahrendorf R. *Der moderne soziale Konflikt. Essay zur Politik der Freiheit*, 1994. (In Rus. ed.: Darendorf R. *Sovremennyy sotsial'nyy konflikt. Ocherk politiki svobody* [Modern Social Conflict. An Outline of the Politics of Freedom]. Moscow, ROSSPEN Publishers, 2002. 284 p.)
3. Kant I. Ideya vseobshchey istorii vo vseмирno-grazhdanskom plane [The Idea of Universal History in the World-Civil Plan]. In: Kant I. *Sobranie sochineniy. V 8 tomakh, tom 8* [Collected Works. In 8 volumes, volume 8]. Moscow, Publishing House "CheRo", 1994. Pp. 12–28. (In Russian)
4. Kozhev A. V. *Vvedenie v chtenie Gegelya* [Introduction to the Reading of Hegel]. St. Petersburg, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 2003. 792 p. (In Russian)
5. Nitshe F. [Nietzsche Friedrich Wilhelm] K genealogii morali [To the Genealogy of Morality]. In: Nitshe F. *Polnoye sobranie sochineniy. V 13 tomakh, tom 5* [Complete Works. In 13 volumes, volume 5]. Moscow, Publishing House "Kulturnaya revolyutsiya", 2012. Pp. 223–382. (In Russian)
6. Nitshe F. [Nietzsche Friedrich Wilhelm] Tak govoril Zaratustra [Thus Spoke Zarathustra]. In: Nitshe F. *Polnoye sobranie sochineniy. V 13 tomakh, tom 4* [Complete Works. In 13 volumes, volume 4]. Moscow, Publishing House "Kulturnaya revolyutsiya", 2007. (In Russian)
7. Ostroumov Ya. *Po sledu koronavirusa: bioterror i voyennaya laboratoriya SSHA v Kazakhstane* [On the Trail of Coronavirus: Bioterror and the US Military Laboratory in Kazakhstan]. Available at: <https://vpoanalytics.com/2020/03/25/po-sledu-koronavirusa-bioterror-i-voennaya-laboratoriya-ssha-v-kazahstane> (In Russian)
8. Plato. Gosudarstvo [State]. In: Plato. *Sobranie sochineniy. V 4 tomakh, tom 3* [Collected Works. In 4 volumes, volume 3]. Moscow, Mysl Publishers, 1994. Pp. 79–420. (In Russian)
9. Fukuyama F. [Fukuyama Yoshihiro Francis] *Identichnost'. Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya* [Identity. The Desire for Recognition and the Politics of Rejection]. Moscow, Alpina Publisher, 2019. 256 p. (In Russian)
10. Fukuyama F. [Fukuyama Yoshihiro Francis] *Konets istorii i posledniy chelovek* [End of History and Last Human]. Moscow, Ast Press Publishing House, 2010. 588 p. (In Russian)
11. Fukuyama F. [Fukuyama Yoshihiro Francis] *Nashe postchelovecheskoe budushchee: posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii* [Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution]. Moscow, Ast Press Publishing House, 2004. 349 p. (In Russian)
12. Kheyzinga Y. [Huizinga Johan] *Homo Ludens. Chelovek igrayushchiy: opyt opredeleniya igrovogo elementa kul'tury* [Homo Ludens. The Person Playing: the Experience of Determining the Playful Element of Culture]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publishing House, 2011. 409 p. (In Russian)
13. Barber B. R. (1992) Jihad vs McWorld. *The Atlantic Monthly*. Vol. 269, no. 3: 53–65. (In English)

*